III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОЧЕРКИ СИБИРИ

ПИСЬМО I.

Однообразна матушка Русь православная! Куда ни поѣзжайте, вездѣ равнина бугорчатая, на ней чернѣютъ деревеньки, зеленѣютъ рощи и волнуется жито. Нѣтъ живописныхъ мѣстоположеній, нѣтъ поразительныхъ видовъ; нѣтъ полей, покрытыхъ табунами скота; нѣтъ быстрыхъ рѣчекъ; нѣтъ горъ, останавливающихъ зрѣніе: все просто, все открыто. Въ Россіи говорятъ: солнце за лѣсъ село, солнце изъ за лѣсу поднялось.— Лѣсъ ограничиваетъ горизонтъ.

Въ древности равнина эта была покрыта дремучимъ лѣсомъ, а въ немъ укрывались племена

Финскія, потомъ Славяны и наконецъ Русь. На югѣ лѣсовъ не было: тамъ разстилалась обширная степь, покрытая густою травою. Здѣсь кочевали народы пастухи:—сперва Готы, потомъ Хазары, Печенеги, Половцы и наконецъ народы Туркскаго племени. Всѣ они были заклятыми врагами Руси: земледѣльческой. Всѣ по очереди грабили ее, похищали плѣнниковъ и продавали ихъ роскошной Греціи. Но Русь укрѣпилась Христіанствомъ, приняла характеръ единства и набѣги пастуховъ грабителей уничтожились,—пастухи сдѣлались данниками Руси. Единство благоразумной воли, стремленіе къ пользѣ общей, сдѣлали изъ Руси раздробленной, враждующей, слабой, государство сильное. Враги укрывались только въ двухъ твердыняхъ: на югѣ въ Астрахани, на востокѣ въ Казани. За нею тянулся съ юга на сѣверъ грозный Рифей и слылъ для Руси предѣломъ свѣта: тамъ обитали народы, загнанные Александромъ Македонскимъ на край свѣта и запертые въ каменныхъ горахъ. Они рубятъ эти горы, но пробили только небольшое отверстіе, въ которое подаютъ соболей и просятъ желѣза.

Но духъ предпріимчивый проникъ между горъ по рѣкамъ за хребетъ Уральскій и къ удивленію нашелъ равнину, на которой обитали народы невѣдомые, богатые скотомъ и дорогими мѣхами: эта страна получила названіе Сибири. Туземцы не знали этого имени, не знаютъ его и теперь;

но Монголы и племена Турецкія называли страны, лежащія къ сѣверу отъ Алтая, Ибиръ-Сибиръ, что значитъ—сырая равнина, покрытая березникомъ. Это Бараба, которая и теперь точно такова, какъ была въ древности.

До Урала Россія мало измѣняется въ наружномъ видѣ: таже долина покрытая лѣсомъ, а Вятская губернія вся въ дремучемъ лѣсу. За Пермью показываются Уральскія горы; не бойтесь ихъ: дорога проложена по мѣстамъ ровнымъ. Правда, что вамъ представляется тамъ гора, здѣсь гора, но поразительнаго ничего нѣтъ. Уралъ матерѣетъ и возвышается по мѣрѣ приближенія къ Сѣверному Океану. Изъ деревъ увидите здѣсь въ первый разъ лиственъ, звѣно, соединяющее деревья лиственныя съ хвойными: лиственъ роняетъ свои иглы осенью, а весною покрывается новыми. Дерево это достигаетъ чрезвычайной высоты, толщины и для строенія кораблей самое лучшее, потому что не гніетъ отъ сырости. Теперь запрещено уже частнымъ людямъ рубить лиственъ. Жаль что объ этомъ давно не подумали.

За Ураломъ начинается опять равнина, которая между Иртышемъ и Обью называется Барабаю или Барабинскою степью. Въ Россіи думаютъ, что эта степь похожа на степи Африканскія, гдѣ сыпучіе пески заносятъ путешественниковъ летучею дресвою. Напротивъ Бараба есть долина сырая, низкая, покрытая березовыми рощами; здѣсь

и домы построены изъ березы. Отъ рѣки Оби начинаютъ показываться горы; а отъ Енисея до Восточнаго Океана, земля взволнована горами, покрытыми лѣсомъ. Восточная Сибирь вся въ лѣсу и въ горахъ. Долины тянутся по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ: здѣсь говорятъ «солнце вышло изъ-за горъ, солнце закатилось за гору»; здѣсь день короче истиннаго, астрономическаго и таблица возхожденія и захожденія солнца кажется невѣрною. Климатъ не соотвѣтствуетъ широтѣ мѣста; весна начинается позже, а осень ранѣе всѣхъ мѣстъ, лежащихъ подъ тою же широтою къ западу. Но царство растеній здѣсь удивительно разнообразно и богато; за то деревами скудно. Здѣсь нѣтъ дуба, клена, вяза, ясени и липы, нѣтъ плодовыхъ деревьевъ, и не могутъ развести ихъ. Весенніе морозы убиваютъ дерева въ цвѣтѣ. Въ лѣсахъ ростетъ дикая мелкая яблонь, какъ горохъ, черемуха, боярка и всѣ ягодные кустарники. Здѣсь родина акаціи, кедра и боярки. Здѣсь царство дорогихъ мѣховъ, въ горахъ серебро, а въ землѣ золото. Какъ послѣ этого не сказать: Сибирь золотое дно.

Я проѣхалъ вдоль по Сибири, зажмуривъ глаза. Путь былъ послѣдній, нужда быть въ Иркускѣ настоятельна и я, буквально летѣлъ на почтовыхъ. Лошади здѣшнія не походятъ на Русскихъ, бѣгущихъ отъ станціи до станціи рысью. Въ Сибири, когда закладываютъ въ повозку лошадей, на стан-

ціи запираютъ ворота. Когда все готово, вамъ говорятъ: садитесь. Ямщикъ стоитъ подлѣ козелъ и держитъ возжи, два человѣка держатъ лошадей подъ уздцы, два человѣка стоятъ у воротъ. Когда вы усѣлись, ямщикъ вскрикнетъ: готово! Въ мгновеніе онъ уже на козлахъ; ворота распахнулись, лошади, почувствовавъ свободу, бросаются во весь опоръ, ямщикъ уравниваетъ ихъ бѣгъ не возжами, а бичемъ. Скотъ по улицамъ едва успѣваетъ увертываться, а собаки преслѣдуютъ вашу повозку съ лаемъ. Такъ бѣгутъ лошади верстъ пять, не видя свѣту. Потомъ умѣряютъ свой бѣгъ уже рысью, а наконецъ *хлынцою* (выраженіе Сибирское). Отдохнувъ на легкомъ бѣгу, опять скачутъ во весь опоръ и на мѣсто приходятъ шагомъ; на слѣдующей станціи опять таже исторія. Здѣсь не укоренилось еще обыкновеніе ямщиковъ просить на водку. Въ Россіи не только ямщикъ, но даже и староста почтовый просятъ у васъ на водку. Богъ знаетъ за что. «Какъ же, сударь, я наряжалъ для васъ лошадей! «Важная услуга и требуетъ вознагражденія!—Напрасно сторожъ, который топитъ станцію, не проситъ на водку, а онъ имѣетъ болѣе правъ нежели староста; по его милости я согрѣлся. Вѣроятно, скоро найдется геніальный сторожъ, который усмотритъ новую статью сборовъ и воспользуется ею по крайнему разумѣнію. Для чиновника, ѣдущаго на службу, напр., изъ Петербурга въ Иркутскъ, раздача на

водку ямщикамъ и старостамъ составитъ расходъ, а деньги на этотъ предметъ не отпускаются. Здѣсь вы не услышите на станціи ужаснаго слова: нѣтъ лошадей, въ разгонѣ! не просятъ, за смазку колесъ; а за починку берутъ по христіански. Дороги здѣсь устроены отлично: этому помогаетъ счастливый глинистый грунтъ. Почтовые домы заведены въ началѣ нынѣшняго столѣтія Губернаторомъ Траскинымъ (въ Иркутской губерніи); только нѣтъ гостинницъ, и путешественникъ запасается провизіею на пути въ каждомъ городѣ. Лѣтомъ, особливо постомъ, кромѣ яицъ и молока ничего не найдете по деревнямъ готоваго; но зимою запасаются мерзлыми пельменями и замороженнымъ супомъ или щами.

—

ПИСЬМО II.

Въ Иркутскъ дотащились мы кое-какъ, по зимней дорогѣ, въ половинѣ Марта. Рѣка Ангара еще стояла, въ городѣ по улицамъ были только однѣ лужи. Мы прожили здѣсь долго и совершенно изучили этотъ городъ. Онъ построенъ на равнинѣ, которую омываетъ въ двухъ сторонъ рѣка Ангара, а съ третьей рѣчка Ушаковка. По берегамъ этихъ рѣкъ тянутся хребты, и городъ стоитъ какъ бы въ ямѣ. Какая здѣсь по ночамъ лазурь небесная, и какъ ярко горятъ звѣзды! Вотъ

здѣсь бы не худо построить обсерваторію и наблюдать небо.

Иркутскъ имѣетъ до 2,000 домовъ и около 20,000 жителей обоего пола; онъ раздѣленъ большимъ проспектомъ на двѣ половины: въ первой улицѣ кривыя, узкія; во второй прямыя и широкія. Въ ненастье хотя и бываетъ здѣсь грязь, но совсемъ не такая, какъ въ нѣкоторыхъ городахъ Европейской Россіи, гдѣ осенью нѣтъ прохода ни конному, ни пѣшему. Домы здѣсь бревенчатые, крытые высокою дощатою кровлею; въ окнахъ огромныя ставни, которыя на ночь непремѣнно затворяются. Архитектура домовъ своя; каменныя зданія отзываются тѣмъ же стилемъ. На воротахъ каждаго дома виситъ желѣзное кольцо; приходящій стучитъ имъ въ ворота и внутренняя защелка отворяется посредствомъ веревочки, проведенной въ комнату. Во дворѣ есть цѣпная собака, а при ней нѣсколько маленькихъ на волѣ; появленіе неизвѣстнаго лица возвѣщается непремѣнно сперва стукомъ кольца, а потомъ лаемъ собакъ. Эта мѣра была необходима въ прежніе годы, когда городъ наполненъ былъ ссыльными. Теперь хотя ворота вездѣ заперты, но подлѣ кольца виситъ узкій ремешекъ; подернувши за него, поднимаете внутреннюю защелочку и ворота отворяются; къ вечеру ремешекъ выдергивается изъ воротъ и тогда надобно стучать кольцомъ.

Церквей много; но всѣ какой-то своей особенной

архитектуры, нѣсколько въ стилѣ Петропавловскаго Собора, въ С. Петербургской крѣпости; только каждый шпицъ здѣсь погнулся къ юго-востоку, отъ напора С. З. вѣтровъ. Церкви обыкновенно въ два яруса; нижняя теплая для зимы, верхняя холодная для лѣта. Въ верхней церкви стоитъ высокій иконостасъ съ колоннами одна надъ другой, иногда въ четыре яруса, и все это вызолочено. Живопись вездѣ порядочная и Суздальскихъ образовъ нигдѣ нѣтъ. Живопись имѣла здѣсь даже художниковъ; работа Васильева, Нефедьева, Дягилева, и Мурзина, принадлежитъ Академической кисти. Здѣсь не было гоненій за иконописаніе, потому что нѣтъ ни раскольниковъ, ни старовѣровъ. Здѣсь также нѣтъ помѣщиковъ. Купцы и чиновники составляютъ первый классъ. Первые сильны деньгами и даже образованіемъ; вторые властію: военный классъ составляютъ два линейные баталіона и наполняются офицерами, выслужившимися изъ рядовыхъ въ армейскихъ полкахъ.

Теперь въ городѣ дороговизна жизненныхъ припасовъ возрастаетъ быстро. Золотые промыслы пожираютъ хлѣбъ и говядину, а поселенцы, доставлявшіе въ городъ дрова, сѣно и другія потребности, уходятъ на золотые промыслы. Ремесло въ плохомъ состояніи, только торговля, а съ нею извозъ оживляются Кяхтою.

Въ Иркутскѣ нѣтъ ни трактировъ ни, постоя-

лыхъ домовъ: пріѣзжій останавливается у знакомыхъ, а служащему отводитъ квартиру полиція, до пріисканія постояннаго помѣщенія. За нѣсколько лѣтъ Градская дума выстроила домъ, гдѣ на нѣсколько дней останавливаются проѣзжіе, безъ всякой платы.

Говорятъ, что лѣтъ 40 назадъ былъ здѣсь театръ, но упалъ отъ ничтожныхъ сборовъ. Теперь можно бы устроить постоянный театръ; зимою онъ приносилъ бы выгоды содержателю, потому что городъ наполняется купцами, ѣдущими въ Кяхту, или оттуда въ Россію и золото-промышленниками съ ихъ прислугою. Здѣсь есть и публичные сады; но одинъ изъ нихъ за городомъ, а другой на концѣ города. Въ первомъ рѣшительно не бываетъ посѣтителей, а второй изрѣдка посѣщается кое-кѣмъ. Домосѣдство здѣсь въ большомъ обыкновеніи и очень трудно выманить кого нибудь на улицу погулять. Лѣтомъ въ праздники ѣздятъ за городъ на рѣчку Ушаковку, на Каю, на Иркутъ пить чай, но очень не многіе. Купцы и мѣщане брѣютъ бороду; одѣваются въ Европейское платье: женщины носятъ на головѣ накидку или фату; вѣроятно, въ старые годы, закрывали ею лице, но теперь накидка скрываетъ только нечистые рукава рубашки и худую душегрѣйку. Въ накидкѣ женщина походитъ сзади на ночную бабочку. Когда нужно работать, концы

накидки обвертываютъ около шеи. Женщины чрезвычайно опрятны. Грязный полъ въ комнатахъ—уголовное преступленіе. Къ большимъ праздникамъ моютъ домъ снаружи и мостки во дворѣ. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на Русь.

Мясо составляетъ главную пищу здѣшнихъ жителей, а за нимъ рыба, картофель и капуста, свекла, рѣдька. Черный хлѣбъ здѣсь весьма хорошъ, потому что мукасѣется сквозь частое сито; но бѣлый домашняго печенія худъ до возможности. Крупичатая мука дорога и булки у разносщиковъ не дешевле Петербургскихъ. Чаемъ угощаютъ во всякое время, хотя бы въ полночь; но за обѣдъ не посадятъ: не отъ скупости, а отъ стыда что мало приготовлено. Здѣсь не держатся Русскаго выраженія: «Чѣмъ Богъ послалъ!» Гостя надобно *употчивать*. Кромѣ Русскихъ городъ наполняется къ зимѣ Бурятами. Ближайшія ихъ кочевья верстахъ въ 40 отъ Иркутска. Буряты ходятъ по домамъ съ нужными товарами, покупаютъ серебрянныя деньги, старое платье, а нѣкоторые, что лежитъ плохо, берутъ безъ разрѣшенія хозяина. Одежда и физіономія Бурятъ бросается тотчасъ въ глаза: лица у нихъ Калмыцкія, по Сибирски Карымъ, волосы и глаза черные; одѣваются въ овчинныя шубы своего покроя; на поясѣ ножикъ, кисетъ съ трубкою и огниво, на головѣ шапка, изъ дикой козули. Всѣ они говорятъ по Русски, но худо и какъ-то въ горло; напримѣръ: К про-

износятъ какъ Х, литеру Ч какъ Ш, а В какъ Ф, и это не предъ всѣми однакожъ гласными. Буряты уже давно занимаются земледѣліемъ и нѣкоторые во время засухъ напаяютъ пашни и луга изъ искусственныхъ водопроводовъ. Русскіе не переняли еще отъ нихъ этого и терпятъ отъ засухи. На востокѣ уже давнымъ давно постигнуто, что вода замѣняетъ удобреніе.

—

ПИСЬМО III.

Не далеко отъ Иркутска лежитъ озеро Байкалъ, по здѣшнему море, и даже святое, изъ уваженія къ его огромности и вспыльчивому характеру. Сибиряки не совѣтуютъ называть его озеромъ, особенно тѣмъ, которые намѣрены плыть чрезъ него. Это озеро покажетъ вамъ себя и вы забудете называть его озеромъ. Перемѣнные вѣтры, сильная качка, плохое устройство судовъ и незнаніе дѣла мореходами, оставили много печальныхъ исторій; но теперь уже совсѣмъ не то; о разбитыхъ судахъ не слышно.

Выбравъ хорошій день, мы отправились посмотрѣть Байкалъ. Двѣ дороги ведутъ къ знаменитому озеру. По одной, идущей въ-верхъ по Ангарѣ, считается 60 верстъ, а по другой, которая называется кругоморскою, 100 верстъ. Первая дорога упирается въ Байкалъ, а вторая огибаетъ его. Мы

выбрали первую. Путь нашъ лежалъ по правому берегу рѣки Ангары и мы то удалялись отъ нея, то опять выѣзжали на берегъ. Ангара течетъ между горами; на лѣвомъ онѣ возвышеннѣе, а на правомъ ниже. По обоимъ берегамъ видны небольшія деревеньки. Безпрестанно вздымаясь и спускаясь по горамъ, мы пріѣхали на станцію Пашекъ или Пашково Зимовье. Говорятъ, что здѣсь кончилъ свой вѣкъ палачъ, казнившій Пугачева. Онъ сосланъ былъ за то, что будто бы при казни отрубилъ преступнику сначала голову, а не руку, потомъ ногу и такъ далѣе. Преданіе это не подтверждается никакими фактами. Надобно замѣтить, что между ссыльными рѣдко найдете человѣка изъ простаго званія: каждый выдаетъ себя за нѣчто необыкновенное, и даже таинственное: иной былъ чиновникъ, другой сынъ богатаго купца, третій генералъ или по меньшей мѣрѣ полковникъ и всѣ пострадали невинно. Въ прежнія времена удальцы набирали шайки изъ подобныхъ себѣ и грабили по дорогамъ; но теперь вездѣ тихо и смирно. Путешественнику не нужно запасаться пистолетами, саблями и кинжалами. Они будутъ только безпокоить его въ кибиткѣ.

Отъѣхавъ верстъ десять отъ станціи Пашковской, мы увидѣли дикую козу: она, вѣроятно, пила воду въ Ангарѣ и услышавъ звукъ почтоваго колокольчика, проскакала впереди насъ черезъ дорогу въ лѣсъ. Вотъ первый дикій звѣрь, усмо-

трѣнный мною въ лѣсахъ Сибири. Дикая коза или по здѣшнему козуля, походитъ на оленя, только несравненно меньше его: животное беззащитное и все спасеніе свое обрѣтающее въ быстротѣ ногъ. Мясо ея употребляется въ пищу, а изъ шкуръ мужики дѣлаютъ дахи, т. е. шубы шерьстью впаружу. Даха не боится ни вѣтра, ни мороза и въ Сибири есть она у каждаго крестьянина. Дикія козы обитаютъ вездѣ по лѣсамъ, даже въ Петербургской губерніи: мнѣ случалось видать на Сѣнной дикихъ козъ, убитыхъ въ Лужскомъ уѣздѣ.

Вскорѣ мы подъѣхали къ селенію Николѣ, гдѣ стоитъ деревянная старинная церковь. Ангара выливается здѣсь изъ Байкала черезъ камни, какъ изъ чаши черезъ край, и такъ быстра, что не замерзаетъ ни въ какіе морозы. Рѣка здѣсь въ двѣ версты шириною, и па срединѣ ея возвышается огромный камень; народъ зоветъ его шаманскимъ, потому что Буряты поклоняются всему необыкновенному и это поклоненіе Русскіе называютъ шаманствомъ.

Мы видѣли какъ народъ тянулъ бичевою судно противъ воды и пожалѣли отъ души бѣдныхъ бурлаковъ: они падали и ползли впередъ на колѣнахъ, а бичева глубоко разрѣзывала твердый берегъ. Отъ Николы до станціи Лисвяничной мы ѣхали по берегу Байкала. Погода была тихая и море плескалось только у береговъ.

Видъ Байкала не произвелъ на меня большаго

впечатлѣнія: здѣсь нѣтъ ничего похожаго на море. Байкалъ окруженъ высокими горами, чрезвычайно однообразными, а къ горамъ зрѣніе наше давно уже привыкло въ Сибири. Хребетъ на другомъ берегу озера видѣнъ очень ясно, и нигдѣ нѣтъ такой величественной дали, какъ на морѣ, которое сливается съ горизонтомъ и погружаетъ въ думу о безконечности, непостижимой для человѣка. Только при устьѣ рѣчки Снѣжной видѣнъ на горахъ снѣгъ, никогда не тающій; на прочихъ хребтахъ онъ изчезаетъ лѣтомъ.

Было три часа пополудни, солнце жестоко палило утесы, и лучи его отражаясь душили жаромъ: на станціи нельзя было сидѣть. Мы рѣшились купаться въ Байкалѣ. Термометръ опущенный въ воду показалъ + 6°: неловко! Однакожъ мы скоро освоились съ холодною и чистою какъ хрусталь водою, и тѣ которые умѣли плавать, пустились въ море, а неумѣвшіе плескались подлѣ берега. Одинъ изъ нашихъ пловцовъ удалился отъ берега саженъ на десять, сталъ вертикально, поднялъ руки и опусился въ воду, желая достать ногами дно. Мы равнодушно смотрѣли на то мѣсто гдѣ изчезъ нашъ товарищъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ показался онъ изъ воды, блѣдный, испуганный, изо рта прыскалъ воду, вертѣлся и махалъ руками. Плыви къ берегу! сюда сюда! кричали мы ему. Наконецъ онъ взялъ направленіе къ берегу; но плаваніе его было ме-

дленно и руки дѣйствовали безпорядочно. Коекакъ добрался онъ до берега, выползъ и легъ на булыжникъ, все еще испуганный и блѣдный. —Что съ тобою сдѣлалось?—Онъ не отвѣчалъ, но тяжело вздыхалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Мы принялись оттирать его.—Ахъ, дайте отдохнуть! шепталъ онъ. Мы подняли его и положили далѣе отъ воды на траву, гдѣ сильно пекло солнце. Чрезъ полчаса онъ совершенно оправился, всталъ и началъ одѣваться. — Что съ тобою сдѣлалось? кричалъ ему каждый изъ насъ.—Ахъ погодите, все разскажу, только ради Бога перестаньте купаться въ этомъ адскомъ озерѣ. Всѣ одѣлись и пошли на станцію за таинственнымъ водолазомъ, все еще блѣднымъ и молчаливымъ.

«Со мною случилось ужасное произшествіе, говорилъ онъ намъ. Я не трусъ, но въ жизнь мою не случалось подобнаго испуга, неожиданнаго, необыкновеннаго.»

«Вы видѣли, какъ я стоя погрузился въ воду. Едва углубился я на сажень, какъ вздумалось мнѣ взглянуть себѣ подъ ноги. Боже мой, что я увидѣлъ! Подо мною чернѣлась бездна, а передъ глазами опускался утесъ, какъ опрокинутая воронка: мнѣ представилось, что въ безднѣ обитаютъ невѣдомыя чудовища, они схватятъ меня за ноги и увлекутъ въ глубину. Страхъ овладѣлъ мною. Я сталъ подниматься изъ глубины; но мнѣ казалось, что бездна всасываетъ меня, а утесъ

влечетъ къ себѣ. Я напрягъ всѣ силы и рванулся къ верху, и вдругъ голова моя очутилась на воздухѣ. Едва я отдохнулъ; грудь билась, а въ тѣлѣ оказалась слабость. Когда плылъ уже къ берегу по поверхности воды, мнѣ казалось, что бездна удерживаетъ меня, и теперь, ни за какое благополучіе не буду купаться въ этомъ поганомъ озерѣ!»

Мы смѣялись надъ чудакомъ и всѣ ужасы которые онъ видѣлъ, приписывали воображенію. Но ямщики на станціи разрѣшили наше сомнѣніе. Отъ нихъ мы узнали, что глубина въ Байкалѣ идетъ постепенно на восемъ саженъ отъ берегу, потомъ вдругъ обрывъ, падающій перпендикулярно на 80 саженъ. Въ этотъ обрывъ погрузился нашъ товарищъ. Ямщики предлагали было намъ плыть къ обрыву въ лодкѣ; но мы такъ напуганы были разсказомъ товарища, что никто не рѣшился заглянуть въ бездну.

Напившись чаю, мы пошли гулять по берегу Байкала, все далѣе отъ станціи до рѣчки Крестовки: тутъ мы увидѣли нѣсколько берестяныхъ юртъ и тотчасъ догались, что это жилище Тунгусовъ, недавно вышедшихъ изъ лѣсу и остановившихся здѣсь для ловли рыбы. Олени ихъ бродили около юртъ; но людей не было видно.

Съ величайшимъ любопытствомъ бросились мы въ первую юрту, посмотрѣть Тунгусовъ. Юрта составлена была изъ тонкихъ шестовъ, вверху связанныхъ въ видѣ конуса. Шесты покрыты

были пластами бересты; на самомъ верху отверстіе для выхода дыма, дверь сдѣлана изъ палочекъ и покрыта берестою. Посреди юрты горѣлъ огонь, между трехъ камней врытыхъ въ землю: камни эти замѣняли таганъ; на нихъ стоялъ котелъ съ рыбою. Въ юртѣ разбросано было нѣсколько мѣховыхъ лоскутьевъ, сѣдла съ оленей, ведро и деревянная чумичка. Дѣти лежали въ корытцахъ, а родители ихъ сидѣли спокойно у огня и курили табакъ. Изрѣдка Тунгузка мѣшала въ котлѣ чумичкою. На вопросы наши, хозяинъ отвѣчалъ плохимъ Русскимъ языкомъ, и весьма неохотно, вѣроятно потому, что былъ голоденъ или хотѣлъ чтобъ поподчивали его водкою. Мы перешли въ другую юрту, въ третью, вездѣ одно и тоже.

Тунгусы въ полномъ смыслѣ звѣроловы; о земледѣліи понятія не имѣютъ; да оно и не возможно, при ихъ образѣ жизни. Народъ этотъ принадлежитъ къ первобытнымъ обитателямъ сѣверо-восточной Азіи. Отъ него произошли Манжуры, Корейцы и частію Японцы. Къ сѣверу, онъ простирается почти до Ледовитаго моря, а къ западу, до рѣки Енисея. Языкъ Тунгузскій благозвученъ и коротокъ: весьма часто одинъ и тотъ же звукъ означаетъ нѣсколько понятій. Тунгузы были нѣкогда исполинскаго роста, но познакомившись съ Европою, заимствовали отъ нея оспу и другія болѣзни, которыя изуродовали ихъ,

истребили такъ, что теперь и половины нѣтъ того количества, какое было во время занятія этихъ мѣстъ Русскими. Теперь всѣ Тунгусы, живущіе около Русскихъ селеній, малы, худы и бѣдны, по кочующіе въ глуши отличаются тѣлесною крѣпостію.

Какъ скоро покажется между ними оспа, всѣ бѣгутъ куда попало, а больнаго оставляютъ одного. Само собою разумѣется, что больной умираетъ безъ присмотра и очень рѣдкіе выздоравливаютъ, хотя убѣгшіе оставляютъ страдальцу пищу и питье.

Одежда Тунгуса была бы красива, еслибъ вкусъ ихъ не былъ слишкомъ постояненъ: короткій кафтанъ, унизанный бисеромъ, сидитъ плотно на тѣлѣ, напереди нагрудникъ до колѣнъ; на ногахъ кожанные чулки съ украшеніями, за плечами винтовка, а въ рукахъ пальма или ножъ па длинной палкѣ; нѣкоторые накалываютъ фигуры на лицѣ и рукахъ. Одежда женщинъ, мало отличается отъ мужской; но женщину тотчасъ можно узнать, по чему-то необъяснимому.

Тунгусъ какъ звѣрь бродитъ по лѣсамъ, ищетъ добычи; убивъ звѣря, онъ приглашаетъ всѣхъ сосѣдей и добыча съѣдается за одинъ разъ; о будущемъ они не помышляютъ. Мы спрашивали у Тунгусовъ, долго ли они простоятъ на этомъ мѣстѣ. «Пока будетъ идти въ рѣку изъ моря рыба; а потомъ перекочуемъ на другую; мы знаемъ всѣ

рѣчки и время, когда идетъ въ нихъ рыба! А когда пройдетъ рыба, откочуемъ въ горы, гдѣ водятся звѣри.» Домашніе олени замѣняютъ Тунгусу вьючный скотъ; на оленя кладетъ онъ свою юрту, имущество, дѣтей; женщины тоже садятся на нихъ, но мущины идутъ пѣшкомъ. Въ самой ужасной крайности, послѣ трехдневнаго голода, рѣшится Тунгусъ заколоть своего оленя; это его богатство, его сила: молоко оленье даетъ пищу всему семейству. Есть Тунгусы, у которыхъ до пяти сотъ оленей и болѣе; содержаніе ихъ ничего не стоитъ хозяину. Олень питается преимущественно Исландскимъ мохомъ и шустою, или мохомъ растущимъ на деревахъ; ѣстъ траву и древесные листья, особенно упавшіе.

Олень животное кроткое, скоро привыкаетъ къ дому и для нашихъ дѣтей было бы неоцѣненнымъ сокровищемъ. Онѣ ѣздятъ на немъ, водятъ за поводъ, словомъ, олень поддается всѣмъ ихъ капризамъ и развѣ нечаянно наступитъ кому нибудь на ногу. Скоро привыкаетъ къ домашней пищи и ѣстъ все что ни попадется; но обжорливость не рѣдко стоитъ ему жизни: вскорѣ оказывается въ немъ какая-то болѣзнь и обжора умираетъ съ распученнымъ животомъ. Вообще замѣчено, что у Русскихъ не проживаетъ онъ болѣе двухъ лѣтъ: вѣроятно отъ перемѣны пищи. Рога роняетъ каждый годъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ и къ

Іюню новыя вырастаютъ до надлежащей величины.

Животное это для Русскаго крестьянина не только безполезно, но даже въ убытокъ и кромѣ шкуры и мяса никакой выгоды не доставитъ; сѣна ѣстъ ужасно много, даже больше овцы. Заготовлять для него на зиму древесный мохъ стоитъ большаго труда.

Мы разстались съ Тунгусами: любопытство наше было удовлетворено. Бытъ и хозяйство ихъ все передъ глазами. Какъ открытъ ихъ образъ жизни, такъ открыты и сердца ихъ; ложь и обманъ имъ неизвѣстны. Тунгусъ говоритъ что̀ чувствуетъ. Говорятъ, что и нынѣ отдаленные Тунгусы, встрѣтясь въ лѣсу на звѣриныхъ промыслахъ съ Русскимъ, или съ Бурятомъ, послѣ извѣстнаго всѣмъ слова «Дорово!» (здорово) осматриваютъ незнакомца съ ногъ до головы и берутъ у него своими руками что полюбится. Горе хозяину если бы онъ захотѣлъ отказать Тунгусу, или удержать его наглую руку! За то и вы берете у Тунгуса все что вамъ понравится; отказа не встрѣтите!

Мы шли обратно къ станціи по берегу Байкала, собирая бодягу (Spongia Baicalensis). Бодяга растетъ на днѣ озера по камнямъ, какъ коралы, и такъ же вѣтвиста, только неплотна. Серебряники наводятъ ею политуру на своихъ издѣліяхъ. Болѣе нѣтъ ей употребленія.

Въ Байкалѣ совсемъ нѣтъ раковинъ, за то много рыбы: ловля осетровъ и омулей занимаетъ много рукъ; послѣдними довольствуется вся губернія. Есть тюлени, но раковъ нѣтъ въ рѣкахъ текущихъ въ Сѣверный Океанъ. Есть особенности ему одному принадлежащія: напр. рыбка голомянка; она состоитъ изъ одной становой кости, облитой жиромъ. Рыбки этой никто живой не видалъ, вѣроятно потому. что она обитаетъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ. Лѣтомъ. послѣ продолжительныхъ бурь иногда выкидываетъ ее на берега въ ужасномъ множествѣ и мертвую не тронетъ ее ни звѣрь, ни птица, вѣроятно потому, что запахъ от этой рыбки противенъ животнымъ. Первый жаркій день истребляетъ тѣло голомянки и на берегу остаются только однѣ кости.

На берегахъ Байкала собираютъ два сорта песку для засыпанія чернилъ: розовый и черный. Первый составляютъ мельчайшіе кристаллы венисы, а можетъ быть и рубиновъ, открытыхъ теперь въ гранитѣ; второй есть самородное желѣзо.

Иногда къ берегамъ прибиваетъ жидовскую смолу или асфальтъ, тотъ самый, которымъ въ Палестинѣ покрыто Мертвое море. Въ Сибири называютъ эту смолу морскимъ воскомъ.

Пока мы шли нога за ногу по берегу къ станціи, поднялся сильный сѣверо-западный вѣтеръ, по здѣшнему «гора.» Небо покрылось густыми

облаками и поверхность взволнованнаго озера почернѣла. Вѣтеръ былъ самый сильный; но волненіе незначительное, вѣроятно потому, что-волны гнало на противный берегъ. Передъ станціею стоялъ на якорѣ казенный транспортъ. Напоромъ вѣтра его начало дрейфить въ море, и штурманъ приказалъ бросить другой якорь.

Не смотря на сильное волненіе, черезъ Байкалъ переплываютъ въ лодкахъ и не было примѣра, чтобъ лодка утонула: вся бѣда въ томъ, что ее выкинетъ на берегъ. Теперь учреждены здѣсь два парохода; но жаль, что они малосильны и при противномъ вѣтрѣ едва-едва подаются впередъ.

Въ Байкалъ упирается Государственная дорога изъ Россіи въ Кяхту и путешественники и товары перевозятся на другую сторону на судахъ. Но какъ противные вѣтры мѣшаютъ безостановочному плаванію, а зимою льды и совсемъ прекращаютъ судоходство, то въ началѣ нынѣшняго столѣтія проложена около Байкала сухопутная дорога, которая называется здѣсь Кругоморскою. Мы познакомимъ съ нею нашихъ читателей въ слѣдующемъ письмѣ.

Лиственичная станція лежитъ при подошвѣ высокой горы. Намъ хотѣлось посмотрѣть на море съ высоты. Съ большимъ трудомъ поднялись мы на эту гору; камни и земля безпрестанно осыпались подъ ногами. Мы хорошо знали, что уста-

немъ до нельзя, а потому рѣшились напиться чаю на вершинѣ горы. Почерпнули изъ Байкала полный чайникъ воды и съ величайшею осторожностію взнесли его на гору.

Видъ Байкала съ высоты не удовлетворилъ нашихъ ожиданій; на-право заслоняла даль гора, на лѣво озеро круто поворачиваетъ и скрывается за горами; а прямо на другой сторонѣ синѣлись горы въ такомъ же отдаленіи какъ и видны были снизу. Намъ оставалось только съ аппетитомъ напиться чаю. Развели огонь, поставили чайникъ; каждый вынулъ изъ кармана стаканъ и взоры каждаго обратились на сосѣдей: — Давайте чай! «Да гдѣ онъ? У тебя?» — Нѣтъ, долженъ быть у тебя! «У меня нѣтъ.» Вышло, что мы чай и сахаръ забыли на станціи. Дѣлать нечего, обратили неудачу въ шутку; вылили воду и молча стали спускаться съ горы. Нечего таить грѣха, каждый бранилъ мысленно другаго за оставленный на станціи чай, но никто не хотѣлъ быть виноватымъ.

Байкалъ извѣстенъ былъ Китайцамъ до Р. Х. Онъ называется въ ихъ книгахъ Ханъ-Хай, что значитъ: море Ханъ. Монголы называютъ его Бай-галъ-Мурэнъ, что значитъ большая рѣка Байгаль. Теперь уже рѣшено, что въ древности обитали близъ Байкала племена Турскія; Монголы оттѣснили ихъ къ западу, остатки ихъ до нынѣ кочуютъ около озера Гузакуля и называются

Урянхами. На языкѣ Турскомъ Бай значитъ богатый, а Куль, или Вуль-озеро; слѣд. Байкалъ значитъ богатое озеро. Чѣмъ же оно богато? Рыбою. Въ Августѣ мѣсяцѣ идутъ изъ него въ рѣку Селеньгу омули въ такомъ количествѣ, что въ одну тоню попадалось ихъ до 100,000 штукъ: такъ было въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Слово: Байкуль каждый народъ передѣлывалъ по своему Китайцы слово Куль, Гуль превратили въ Ханъ, Монголы въ Аай-галъ, а Русскіе въ Байкалъ.

Щукинъ.